

1000

Л одна жизнь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ульяна Соболева

18+

Ульяна Соболева
1000 не одна ложь.
Заключительная часть
Серия «Арабская страсть», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40515517
SelfPub; 2019*

Аннотация

Я думала, что ужасы в чужой стране остались позади, а зияющая дыра в сердце будет кровоточить вечно воспоминаниями о недолгом счастье, пока я пытаюсь жить дальше ради своего ребенка... Заключительная часть. (СЛР версия Аш. Пепел ада) Внимание! Все события, персонажи и обычаи выдуманы и приукрашены автором. По другим вопросам прим. автора в конце). В оформлении обложки использована фотография автора oneinchpunch (fabio formaggio) ресурс depositphotos. Лицензия # 134628304 и фотография автора Sofia_Zhuravets (Sofia Zhuravets) ресурс depositphotos. Лицензия #130878514

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Внимание! Все события, персонажи и обычаи выдуманы и приукрашены автором. По другим вопросам прим. автора в конце.

Глава 1

Я смотрела в иллюминатор самолета и не верила, что это происходит на самом деле. Что я возвращаюсь к себе на родину. Что сейчас взревет мотор и огромная железная птица оторвется от земли и взмоет ввысь, чтобы увезти меня далеко от кошмаров и боли... Только вряд ли я смогу оставить ее здесь, она теперь живет внутри меня и обглаживает мне кости ежедневно, как голодная, обезумевшая тварь, у которой нет чувства жалости.

Когда-то это была самая заветная мечта для меня, самая невыносимо прекрасная – вернуться домой... но жизнь настолько меняет людей, настолько выворачивает их ценности и представления о счастье, что лишь за несколько месяцев можно стать совершенно другим человеком... И я уже больше не маленькая Настя, которую выкрали из родного дома, которая верила в справедливость, искала доброе в людях и умела прощать себя и других.

Ее не стало. Она умерла где-то в песках Долины смерти. И я точно знала, в какой день и час ее сердце перестало биться. Разве она могла себе представить, что ее пытка лишь нача-

лась и не будет ей ни края, ни конца.

Дышать она перестала, когда отдала тело Аднана его родне, когда выпустила из скрюченных пальцев деревянный ящик, ломая ногти и загоняя под них занозы. Уже тогда она умирала... держали от последней точки невозврата только слова ведьмы о ребенке. Не давали сойти с ума окончательно и потерять человеческий облик. Хотя назвать меня человеком в те дни было невозможно. Я, скорее, походила на какую-то тень. Она передвигалась, что-то ела, потому что старуха заставляла и ходила по пятам с тарелкой и ложкой. Несколько месяцев непрекращающейся агонии и боли, несколько месяцев жажды встречи со смертью под неусыпным контролем Джабиры, которая не собиралась ей меня отдавать.

– Он бы не позволил тебе умереть. Не затем вытягивал тебя с того света, чтоб ты дитя его загубила. Скоро первые толчки почувствуешь. Душу его и сердце внутри себя. Чудо в тебе живет самое необыкновенное из происходящего на земле... Старая Джабира многое бы отдала, чтобы хоть раз узнать самой, что такое быть матерью. Но Аллах наказал ее и не дал детей. Слишком много плохого сделала старая ведьма.

Только это и спасало. Мысли о малыше у меня под сердцем. Руки к животу приложу, глаза закрою и думаю о том, как он на Аднана похож будет, о том, что его отец гордился бы его рождением... А потом вспоминала, что теперь никому не нужен этот ребенок и я... Но как же все-таки я оши-

балась. Наивная, совсем забыла, с кем имею дело и что такое семья ибн Кадиров.

Они приехали поздно вечером. Его братья. Ворвались в лагерь, разбитый Рифатом и его людьми, как к себе домой. Как будто теперь им было позволено все. Джабира тут же затолкала меня в пещеру и спрятала за сундуком, задержав своеобразную шторку.

– Не высовывайся. Эти шакалы не просто так сюда приехали. Чую – беду принесли.

Она никогда не ошибалась. Я ей верила и сама знала, кто такие братья Аднана. С одним из них мне уже пришлось столкнуться.

– Мы приехали забрать то, что нам причитается после смерти нашего брата.

– Забирайте все, что посчитаете нужным. Только здесь ничего нет. Все было в деревне и в Каире. – слышался голос Рифата.

– Не лги нам. Здесь его снаряжение и оружие.

– И скаун, который стоил целое состояние.

– Коня Аднана уже забрал себе господин Селим.

– Разве? Здесь есть еще один конь, и он породистей и лучше того коня. Где ты его прячешь, Рифат?

– Здесь больше нет ничего, что принадлежало бы Аднану.

– А белая лошадь?

– Белую лошадь подарили.

Раздался хохот, от которого у меня по телу поползли му-

рашки.

– Кому подарили? Шармуте? Русской сучке, которую мой брат нагло притащил в дом отца? Кстати, где она? Ее я тоже заберу. Разве она не вещь моего брата?

– Альшита была его невестой.

– Пыф, невестой. Не было даже обряда обручения, и она все еще не приняла ислам, а значит, она вещь, принадлежащая ибн Кадирам. Давай, выводим к нам девку.

– Эй, Раис, а не жирно ли тебе и шлюху белобрысую, и лошадь?

– А что такое?

– Выбирай или то, или другое.

От ужаса у меня все внутри похолодело, и я закрыла рот обеими руками, чтобы не застонать.

– Чего это я должен выбирать? Ты себе золото взял. Эй, Рифат, где девка? Давай, тащи ее сюда, посмотрим на игрушку нашего братца, пощупаем, понюхаем, что особенного было в этой сучке.

Сердце бешено колотилось и казалось разорвет мне горло. И бежать некуда. Из пещеры только один выход. Да если и сбегу – в пустыне в сезон бурь не выживу. Тяжело дыша, прижала руку к уже слегка набухшему животу, стараясь хоть немного успокоиться. Неужели Рифат отдаст? Неужели...

– Забирай коня и уезжай, Раис, и ты, Селим. Мне больше нечего вам отдать!

– Девку веди! Хватит шутить, Рифат. Мы сюда не просто

так ехали. Или хочешь неприятностей? Защиты у тебя больше нет, и армия твоя оскудела. Может, и ты ради шлюхи русской своих людей в песок уложишь? Как наш братец?

– Нет здесь никакой русской шлюхи. Есть моя невеста, ислам она уже приняла и завтра женой мне станет. Икрам подтвердит.

– Что за..., – усмехнулся, – ты шутишь, Рифат? Или что это за бред ты несешь?

– Не шучу. Я собрался жениться на этой женщине, и свадьба состоится завтра. Вы можете на ней присутствовать. Простите, пригласить не успел.

– Издеваешься над нами? Слышишь, Селим, жениться он на русской надумал. А мы, Рифат, сейчас ее с собой увезем. Ведь пока не жена она тебе, так что все по-честному. А ты на другой женись, или девок Аднана не осталось больше, чтоб объедки подобрать?

Я увидела, как Джабира напряглась, и поняла почему – провоцируют братья Рифата, сейчас, и правда, может драка начаться.

– Я бы, может, и отдал, только не могу. Ребенка моего носит под сердцем. Зачем вам брюхатая? Да и не по совести это – у собрата женщину уводить, своей же веры и ему принадлежащую.

– Ишь... когда только успел. Тело брата еще не остыло, а она ноги раздвинула?

– Понимаю горечь вашей утраты... но попросил бы ува-

жения к своей женщине. Рано или поздно вам понадобятся люди, а у меня они есть в моей деревне. Зачем дружбу портить, Раис?

Воцарилась тишина на какое-то время, а я ощутила, как на глаза навернулись слезы. То ли от страха, то ли от облегчения... Но расслабляться еще рано, пока эти твари здесь.

– Коня можете взять. Моей жене не нужны подарки от других мужчин. Я сам в состоянии купить ей другого скакуна. Шамаль, выведи к ним Снега.

Я сильно зажмурилась... отдавать коня не хотелось до боли в груди. Я любила его, я привязалась к нему, и это был подарок от Аднана.

– Молчи! – скомандовала Джабира. – Пусть забирают, что хотят, и уходят. Только бы бойню не развязали. Не выстоит Рифат. Людей мало у него.

Они ускакали через несколько часов, после того, как поужинали с Рифатом и забрали все, что принадлежало Аднану, с собой. Унесли даже его перевязь и нож, лежащие в пещере. Я смотрела на Джабиру, а она на меня, а потом помогла мне подняться с пола и вывела наружу, чтобы воздуха глотнула свежего, чтобы слезы ветер высушил.

А потом Джабира нас оставила с ним наедине.

Мы редко говорили раньше. Только те пару раз, когда были вынуждены, и все. И сейчас я не знала, что именно сказать... только тихо прошептала:

– Спасибо.

– Тут одним спасибо не отделаешься. Они завтра кого-то из своих сюда пришлют или сами приедут.

Повернулся ко мне, открывая лицо и сверкая черными глазами.

– И... и что делать? – я руки сильно сжала до боли в ладонях и пальцах.

– Свадьбу играть.

Угрюмо сказал он.

– Или бежать... но если поймут, что солгал, догонят и себе заберут. Что ждет тогда тебя, сказать не могу... но, скорее всего, позор и потеря младенца. Насильничать они вместе любят.

Отвернулся к костру и протянул к языкам пламени смуглые руки.

– Веру менять не заставлю и ни к чему принуждать не стану. Клятву я дал Аднану, что защищу тебя даже ценой своей жизни. Настал момент выполнять ее. Иначе мне никак тебя не спасти. Жизни тебе не дадут ни они, ни вся семья Аднана. Их матери со свету тебя сжить еще тогда были готовы. Неизвестно, кто яд подсыпал.

Я не знала, что ответить... во мне еще жило то самое равнодушие к собственной судьбе, к собственной жизни. Я не цеплялась за нее изо всех сил и иногда все так же до дикости желала уйти вслед за Аднаном к тем самым миражам. Только Джабира и встряхивала. Только она и держала меня на поверхности, не давая утонуть в черноте, которая заволокла

все мои мысли после гибели Аднана.

– Я не настаиваю. Подумай. Время до утра у тебя есть... если не решишься, буду решать, где тебя прятать.

Он ушел к своим воинам под навесы, а я перевела взгляд на огонь, глядя, как он пожирает ветки, как беснуются ярко-оранжевые языки, сплетаясь друг с другом, и превращают в пепел дрова. Вот так и у меня внутри один лишь пепел остался. Хочется развеяться по воздуху и исчезнуть.

– Соглашайся, Альшита. Нет у тебя иного пути ребенка спасти и самой выжить. Растерзают тебя братья. Насиловать по очереди будут, пока ребёнка не выкинешь, а потом отправят в одну из своих деревень на потеху своим людям.

Старая ведьма подошла к костру и воткнула рядом с ним палки с разветвленными концами.

– Не знаю, на что решаться... не знаю, Джабира. Не хочу ничего. Только уснуть. Чтоб ненадолго не болело.

– Очнись! Жизнь продолжается. В тебе и вокруг тебя!

– Нет больше жизни. Есть выживание и эфемерное чувство долга, которое ты пытаешься во мне разбудить... а его нет! Понимаешь? Ничего вокруг нет. Пусто вокруг меня и вот здесь, – ладонь к груди прижала, – пусто и бессмысленно.

Я не хотела соглашаться, не хотела предавать Аднана этим согласием. Пусть спрячут меня где-то, а не смогут, значит такова судьба моя и я сама себе перережу горло. Я смогу.

«– Отвезу тебя в Каир, а потом вернусь – отрежу убуд-

ку яйца, чтоб не смел зариться на то, что принадлежит мне.

– А если он тебя убьет?

Спросила неожиданно, скорее, подумала вслух, и Аднан вдруг оторвал меня от своей груди, внимательно всматриваясь в мои глаза.

– И что? Разве не этого ты хочешь? Или боишься, что, когда меня не станет, твоя участь окажется еще более незавидной, чем со мной?

Несмотря на слова, которые он говорил, его пальцы продолжали перебирать мои волосы, словно жили отдельной жизнью от этих пронзительно ярких глаз, выражения которых я начала бояться.

– А может быть еще хуже?

Теперь взгляд стал невыносимо острым, словно резал меня на куски.

– Может... Как здесь рядом со мной, так и не здесь. Но я бы не хотел, чтоб ты об этом узнала, Альшита.

– Почему? Разве тебе не все равно, как умрет грязная, русская шармута?

Он прищурился и склонил голову к плечу, всматриваясь в мое лицо, словно считывая с него нечто неподвластное мне самой.

– Не все равно..., – костяшки пальцев проились по моей щеке очень мягко, – ты не умрешь, пока я не позволю тебе умереть. И ты... ты не шармута.

Убрал прядь волос с моего лица назад, приглаживая волосы большой, широкой ладонью, на запястье звякнули металлические символы, которые наверняка что-то означали.

— А кто я?

— Моя женищина...»

Ничья я теперь... никому не принадлежу, и в эту секунду почувствовала, как в живот изнутри что-то толкнулось, нежно перекатываясь и щекоча, как крылышками маленькой птички. Я невольно прижала туда руку и ощутила, как ребенок толкнулся еще раз.

«— Я никогда не лгу, Альшита. У меня достаточно власти в руках, чтобы позволить себе всегда говорить правду.

Я приподнялась на локте и слегка покраснела, когда его взгляд вспыхнул, опустившись к моей груди.

— Я стану твоей женищиной по-настоящему.

И он опрокинул меня навзничь на шкуры, глядя мне в глаза своими безумно красивыми зелеными омутами.

— Я клянусь, что ты никогда об этом не пожалеешь... Поженимся и поедem в Россию, Настя. Знакомиться с твоими родителями...

Я вскинула руки и рывком прижалась к его груди. Неожиданно для себя расплакалась, а он засмеялся.

— Я счастлив, ледяная девочка. О, Аллах свидетель — еще

никогда в жизни я не был так счастлив.

А утром он одевался на эту самую вылазку, и я снова ощутила прилив дикого ужаса от предстоящего расставания. Поправляла джсалабею у него на груди, проводя пальцами по вышивке на вороте и нарочно оттягивая расставание.

– Я хочу родить от тебя ребенка...

И опустила взгляд вниз. Чувствуя, как кровь приливает к щекам, а он заставил посмотреть себе в глаза и усмехнулся. В глазах заблестели миллионы чертей.

– Если хочешь, значит родишь. Когда вернусь, мы будем очень много стараться над его исполнением».

Утром я согласилась выйти замуж за Рифата. Я рожу ребенка Аднана, как он хотел... как я хотела.

Глава 2

Эта свадьба напоминала мне похороны. Словно я, во всем белом, хоронила саму себя и ту самую Настю, которая никогда не согласилась бы на ложь, на вот такой брак. Мне было жаль ее, по-настоящему жаль. Я понимала, что вместе с ней то самое светлое и искреннее умирает и во мне... И было больно втройне от того, что раньше представляла свою свадьбу с Аднаном. Представляла веселье здесь в пустыне, свои разрисованные хной руки, белое платье, горящий взгляд моего мужчины. Все это так и осталось иллюзиями и мечтами. И так кощунственно сейчас произносить клятвы, слушать песнопения и зазывания приглашенных гостей, выкрики мужчин, осознавая, что все это должно было быть настоящим и совсем не с этим мужчиной.

Рифат весь вечер не обращался ко мне, и я была благодарна ему за это молчание, за то, что не вынуждал меня играть на публику и веселить толпу. Я бы не выдержала фарса, я была неспособна сейчас что-то изображать, мое горе было слишком свежим и слишком сильным. Оно не отпускало меня ни на секунду, и даже шевеления ребенка не давали ощущение счастья. А вызывали лишь слезы. Как бы я хотела рассказать об этом Аднану. О том, как шевелится наш малыш и какое непередаваемое это чувство – знать, что часть него живет во мне. Как мало нам было отмеряно счастья, как

всего было мало... И часть этого времени была истрачена на ненависть и непонимание.

Особенно раздражали лица братьев Аднана и их пошлые шутки, которые доносились до моих ушей и заставляли пальцы Рифата сжиматься до хруста. Но он молчал и терпел. Я знаю, что не из-за трусости. Рифата можно было назвать кем угодно, но только не трусом. Он молчал, чтобы не развязать сейчас бойню с Кадирами. Молчал из-за меня и из-за своих людей. Как же я ненавидела этих трех гиен, которые пришли поживиться тем, что осталось после их брата, и заодно проверить – женится ли Рифат на мне. Я видела, как Раис сверкает глазами и гладит себя по длинным усам. И понимала, насколько был прав Рифат, когда говорил, что со мной сделают эти три ублюдка, если доберутся.

После празднества нас оставили одних с Рифатом, и остальные воины еще долго пели песни и смеялись у костров и раскинутых на подстилках яств и угощений, привезенных Рифатом и его людьми, а также приготовленных Джабирой и несколькими женщинами из деревни.

Когда мы остались наедине, я все же напряглась. Одно дело – обещания, а совсем другое – это когда мужчина получил на тебя все законные права. Я забилась в угол, закрываясь одеялом и глядя расширенными глазами на Рифата. Но он даже не посмотрел на меня, лег на шкуры в углу пещеры, отвернулся к стене и уже через несколько минут уснул. Я поняла это по его дыханию и тоже выдохнула, легла на мат-

рас и закрыла глаза, прижимая ладони к животу и прикрывая веки.

А что теперь? Я не знала. И завтрашний день представлялся мне серым и отвратительным без единого смысла или целей. На утро Рифат вместе со своими людьми покинул лагерь, и мне стало намного спокойнее.

Теперь я каждый день старалась загрузить себя работой и, хотя Джабира ругала меня и запрещала перетруждаться, мне нужно было устать, чтобы ночью закрывать глаза и погружаться в глубокий сон. А перед сном молить своего Бога и Аллаха послать мне сновидения об Аднани. Увидеть его лицо, почувствовать запах, услышать голос. Но он мне не снился. Ни единого сновидения. Я вставала утром и мчалась к Джабуре учиться у нее собирать корни растений и трав, варить из них зелья по ее рецептам и переливать в глиняные посуды. Она также научила меня лепить из глины разные фигурки и сосуды, и теперь это стало моим любимым развлечением. Единственным моим лучиком света стала Амина. Рифат привез ее ко мне из Каира во вторую свою поездку. И я была безмерно ему за это благодарна. Малышка была настолько жизнерадостной и ласковой, что я отвлекалась на нее и проводила с ней очень много времени. Джабур научила меня шить, чинить одежду, и я постоянно что-то переделывала для Амины, лепила ей бусы из глины, и мы вместе раскрашивали их, а потом развешивали сохнуть на камнях. Она скрасила мое тоскливое одиночество и последние меся-

цы беременности.

Время то ли ползло, то ли пролетало, я потеряла ему счет, и только Джабира, ощупывая мой живот, записывала что-то карандашом в свой блокнот. А однажды вдруг заставила меня улечься на матрас и долго прощупывала меня, слушала через трубку... в ее лице читалось какое-то недоумение и обеспокоенность. Но на мои вопросы она не отвечала. И мне становилось страшно, когда она шевелила губами, бежала за своими старыми потрепанными книгами, замеряла мне живот и опять трогала со всех сторон, и когда я уже окончательно чуть не сошла с ума от беспокойства, вдруг спросила:

– Как давно ты чувствуешь их?

– Толчки? Давно... Еще со дня свадьбы. А что такое?

– Чувствуешь только в одном месте или в нескольких одновременно?

– Не знаю... а что такое, Джабира? Что-то не так с ребенком?

– Да нет... кажется, с ним все в порядке, просто большой он у тебя, прям даже очень. – пробубнила она, а я резко встала на матрасе, – боюсь, не разродишься мне со своим узким тазом и худобой.

– Я буду стараться... это ведь хорошо, что он не маленький, правда?

– Хорошо и плохо... Боюсь за тебя. И как он лежит, мне не нравится. Но может, к родам еще повернется.

– Ты ведь нам с ним поможешь, Джабира... я не хочу по-

терять еще и ребёнка Аднана.

Я все же почувствовала, как слезы потекли у меня по щекам, и Джабира обняла меня, прижимая к себе.

– Все будет хорошо. Родишь малыша. Обязательно здоровенького родишь. Джабира и не такие роды проводила. А Рифат перевезет тебя отсюда в Каир. Он уже ищет для тебя дом.

Упоминание о Рифате заставило тут же отшатнуться в сторону. Меня сжирало какое-то необъяснимое чувство вины за то, что он взял на себя такие обязательства и женился на мне... после того, как я была с его другом. Ведь все об этом знали. Пусть и молчали, но точно судачили о нас с ним.

– Что такое?

– Я хочу расторгнуть этот брак. Не должно так быть. Неправильно это.

– Надо время. Пусть родится ребенок, и все страсти улягутся. Рифат знает, что делает. Он очень мужественный и благородный человек. И он дал клятву Аднану – заботиться о тебе. Пока угрожает опасность, лучше быть его женой. Вряд ли кто-то посмеет нарушить священные узы брака и тронуть чужую женщину. Сейчас за тобой наблюдают, и поверь мне, что о любом вашем поступке тут же донесут Кадирам... А там кодло змей, которые еще не простили тебе вторжение в их мир. Особенно Зарема, которую отец Аднана вернул домой.

И я знала, что она права, что на самом деле Рифат, и прав-

да, старается для меня, но его вечное молчание и этот взгляд темный исподлобья вызывал у меня необъяснимое чувство вины. Словно это я вынудила его жениться на мне.

Когда кто-то приезжал в лагерь, Джабира прятала меня.

– Иди в пещеру, Альшита. Твой живот явно не соответствует срокам. Ты вот-вот разродишься. Никто не должен узнать, что это ребенок Аднана. Пусть считают его ребенком Рифата. Но для этого нужно прятаться, и чтоб ни одна душа не знала о дате рождения.

Когда она так говорила, одна часть меня понимала, что старая ведьма права, а вторая сходила с ума от этой страшной несправедливости.

– Мой малыш никогда не сможет в открытую сказать, кто его отец. Разве это справедливо?

– Твой малыш останется в живых, и это справедливо, Альшита. Это более чем справедливо. Если сейчас хоть кто-то узнает о том, что он от Аднана, ему может угрожать опасность. Нужно быть очень осторожной.

Если бы я тогда хотя бы на десятую долю представляла себе, насколько она права... то, может быть, со мной бы не произошло всех тех ужасов, которые произошли потом. Может быть, я не рассыпалась бы на осколки боли и не познала бы больших потерь. Но тогда во мне еще было много от Насти, а она не верила, что люди способны на дичайшие подлости. А еще больше я хотела не зависеть от Рифата и стать все же свободной, и едва он вернулся из очередного похода,

я набралась смелости, чтобы с ним поговорить. Он чистил оружие, разложив его на подстилке неподалёку от костра, и когда я подошла, едва заметно вздрогнул, но голову так и не поднял.

– Я хотела поговорить с... тобой.

– Говори.

Продолжая чистить одну из деталей и рассматривая ее на свету.

– Так не может ведь продолжаться вечно. Рано или поздно с этим нужно покончить.

– С чем?

– С этим спектаклем. Мы ведь не можем продолжать его и дальше. Джабира рассказала мне о доме... и я не хочу ехать в какой-то дом. Для меня нет другого мужа и нет другого дома. Есть только Аднан, и я никогда не стану тебе настоящей женой.

Рифат вскинул голову и посмотрел на меня все так же хмуро, как и всегда.

– И что ты предлагаешь?

– Отправь меня в Россию. Расторгни со мной брак и дай мне уехать домой.

В эту минуту послышался топот копыт, и кто-то крикнул.

– У нас гости! Эй, Рифат, встречай брата. Рамиль пожаловал.

Спрятаться я не успела. Потому что гость уже спешил и спешил к нам навстречу, раскрыв объятия брату. Я одерну-

ла джалабею... но это было лишним – мой огромный живот уже было не скрыть. Когда мы гуляли на нашей свадьбе, он еще был незаметен постороннему глазу, но сейчас... сейчас уже не спрятать ни его размеров, ни сроков. Рамиль вначале обнялся с Рифатом, а потом пристально посмотрел на меня и так же красноречиво на мой живот, вздернув одну бровь и похлопав Рифата по плечу, он увлек его подальше от костра, а я бросилась в пещеру, обхватывая пылающее лицо ладонями. Мне было стыдно, так стыдно, что казалось я провалюсь сквозь землю. Какой же тварью я выгляжу в их глазах, какой последней дрянью.

* * *

Роды начались внезапно. Точнее, я прозевала тот момент, о котором мне столько рассказывала Джабира, не обратила внимание на сильное напряжение в животе и боль, натаскалась песка, расчищая после бури вход в пещеру вместе с Аминой, и когда по ногам потекла вода, я от страха закричала, а старой ведьмы не оказалось рядом. Она как раз уехала в деревню за продуктами и водой из-за отсутствия Рифата. Джабира рассчитывала, что я рожу не раньше наступления полной луны, и у меня не было ни малейших оснований ей не верить. Я ведь ничего в этом не понимала, но, когда вода потекла по моим ногам, я от ужаса вся похолодела.

И начался самый настоящий Ад, о существовании кото-

рого я не подозревала. Это была не просто боль, это было нечто зверское и невыносимое. Не помню, на каком этапе я перестала вести себя, как человек, и понимать, что именно происходит. Амина помогала мне, как могла, бедный ребенок, она не знала, чем мне помочь... а потом все же побежала пешком в самое пекло за Джабирой в деревню. И меня поглотила самая настоящая огненная тьма, где вокруг все стало черным от боли, а низ живота жгло, как раскаленным железом, и раздирало на части. Наверное, я теряла сознание, а потом снова приходила в себя, обводя затуманенным взглядом пещеру и понимая, что я в ней совершенно одна...

Когда послышался голос Джабиры, мне уже было все равно, что со мной происходит, я хотела просто умереть, чтоб эти мучения прекратились, и я ослабла от криков и боли настолько, что не могла сказать ни слова.

– Давай, Альшита, давай, малышка, трудись. Самое страшное уже позади. Малыш шел неправильно, и я немножко его подвинула. Давай старайся, и скоро мы его услышим. Дыши часто-часто и сильно напрягайся, будто хочешь что-то выдавить из себя.

Я делала то, что она говорит... моментами я ее даже не слышала, чувствовала, как Амина промокает мне лоб и обнимает за голову. Потом раздался пронзительный вопль ребенка, и я, очнувшись, распахнула глаза.

– А вот и наша маленькая принцесса. Это девочка, Альшита. У тебя родилась прекрасная розовая малышка! Хо-

тя... я была уверена, что это мальчик... мои видения обычно меня не обманывали никогда!

Я с облегчением выдохнула, чувствуя, как по щекам текут слезы, и даже боль перестаёт иметь какое-то значение на доли секунд... а потом возрождается снова из недр моего тела. Джабира положила мне девочку на грудь... но в этот момент меня вдруг скрутило новым приступом адской боли, и я выгнулась на постели.

– Что такое? Где болит? Должно было стать легче, – слышался голос старухи.

– Не...не знаю... мне кажется, там снова... снова все каменеет, снова больно, Джабириааа.

Я не сдержалась и закричала, корчась на мокрых от моего пота шкурах и подстилках.

– О Аллах! – она раздвинула мне ноги, а потом громко воскликнула, – не верю... да чтоб я трижды сдохла! Так, Альшита, давай, надо еще немножко поработать. Там два малыша. Одну ты родила, а второй тоже просится наружу. Помоги мне, девочка. Надо снова тужиться.

А у меня не осталось сил, боль вымотала меня, и темнота все сильнее наваливалась со всех сторон. Мне даже казалось, что я лечу куда-то по небу. А потом оказываюсь у себя дома. И мама с отцом выходят ко мне навстречу с караваем на полотенце, и мне становится так легко и хорошо, но в эту секунду меня хлещут по щекам, ломая картинку с изображением моей семьи на осколки.

– Альшита, открой глаза. Не время спать. Ты должна работать, слышишь? Помоги ребенку родиться. Смотри на меня. Давай! Вот так!

Я изо всех сил напряглась и от ощущения, что меня разрывает на части, закричала снова, а Джабира вместе со мной.

– Даааа!

И следом раздался еще один крик младенца.

– Мальчик! Слышишь, Альшита, это мальчик. Воот! Старая Джабира никогда не ошибается. Я знала, что ты родишь ему сына!

Но я ее слышала очень плохо, меня все же поглотила та самая тьма, выключая полностью мое сознание, утягивая в благословенную тьму и избавляя от боли.

А утром, когда я открыла глаза, то первое, что дало мне сил – это мысли о моих детях. Я приподнялась на постели и тут же услышала голос Амины.

– Тебе нельзя вставать, ложись. Джабира сейчас придет. Я ее позову...

– Где мои малыши?

Быстрый взгляд на выход из пещеры и снова на меня.

– Сейчас вернется Джабира. Я приведу ее.

– Амина!

Вместо крика вышел хрип, а она выбежала наружу, но я успела заметить, как в ее глазах блеснули слезы. Джабира зашла не сразу, а через несколько минут. Она несла в руках сверток и улыбалась.

– А вот и мы. Самая красивая девочка на свете. Держи, мамочка. Крепенькая малышка. Здоровенькая, сильная. На отца похожа.

Джабира положила мне на грудь теплый, завернутый комочек, и у меня отлегло от сердца и в горле запершило, я чуть приподнялась, разглядывая крошечное, сморщенное личико и очень маленькие пальчики, сжатые в кулачок. Даже не верилось, что этот розовый комочек мое дитя.

– А сын? Где малыш? Ты принесешь его мне?

Все еще увлечённо вглядываясь в черты лица своей дочери и продолжая улыбаться ей, ощущая щемящую нежность в сердце, от которой даже дух захватило.

– Мой сын спит, Джабира?

Подняла голову и... тут же почувствовала, как улыбка исчезла с моего лица и холод стиснул сердце. Старая ведьма отвела глаза, а потом и вовсе отвернулась.

– Прости, Альшита... малыша спасти не удалось. Он родился слишком слабым и... и Аллах забрал его к себе. Чистая... невинная душа. Прости.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать и не смогла... казалось, я онемела от навалившейся на меня боли. Она была оглушительно невыносима и резала меня изнутри на куски.

– Ты должна жить ради своей малышки. Она жива и здорова. Ты нужна ей. Это чудо, что она выжила после таких тяжелых родов, и ты сама жива и здорова. Теперь ты не одна. Но я не могла вдохнуть грудью. Не могла ощутить того

счастья, о котором она говорила. Я смотрела на свою девочку и ощущала лишь, что мою дыру в груди только что разворотило еще сильнее, и я опять истекаю кровью...

– Я хочу его видеть.

– Ты не приходила в себя трое суток. По нашим обычаям мертвецов хоронят в тот же день.

Не смогла вдохнуть, только снова приоткрыла рот и ощутила, как корежит все тело, и оно немеет от пытки. В этот момент заплакала моя дочь так тихо, так тоненько, затрагивая в черно-красной дыре какие-то еще не сгнившие струны, и я инстинктивно положила на ее маленькое тельце руку, прижимая к себе.

– Я хочу уехать. – чужим, но уже знакомым мне голосом произнесла, не глядя на ведьму и ничего не видя из-за застилавшего глаза соленого тумана. – Найди Рифата, Джабира. Я решила просить его вернуться домой. Пусть он меня отпустит. Я не хочу здесь оставаться.

Глава 3

Я вздрогнула, когда голос из громкоговорителя возвестил о том, что самолет взлетел, отвлекая меня от воспоминаний и заставляя посмотреть на свою крошечку, которая спала у меня на руках, посасывая большой пальчик. От невероятной и непередаваемой нежности задрожало сердце, и я провела кончиком пальца по ее пухлой щечке. Моя девочка. Если бы не она, то я бы не спаслась от безумия и от черной бездны, которая сожрала мою душу и утопила в самом невыносимом горе для женщины – потере любимого мужчины и его ребенка. Только ее пронзительный и голодный плач заставлял меня вставать на ноги и хотя бы просто функционировать. После той истерики, что случилась со мной, когда Джабира отвела меня к маленькому холмику в песках, обложенному камнями с сухими ветками цветов. Я не знаю, сколько времени я там провела, то в слезах, то просто глядя в одну точку и умирая от отчаянной тоски. Этот холмик стал для меня общей могилой и отца, и сына, ведь мне было негде оплакать самого Аднана. Я ведь не имела право даже на это. Ведь я так и не стала для него кем-то большим, чем игрушка и его рабыня.

Джабира принесла мне дочь прямо туда и положила на пеленку рядом со мной, но я к ней так и не прикоснулась. В тот момент я была мертва, и меня невозможно было воскресить

вот так в одно мгновение. Я ненавидела все, что меня окружало, ненавидела даже каждую молекулу воздуха и любой живой звук. Боль рвала мою душу на куски, и я не могла вырваться из ее безжалостных когтей, чтобы хотя бы посмотреть на свою малышку или взять ее на руки. Мне хотелось умереть, чтоб не было настолько больно, чтобы прекратить страдать и не захлебываться отчаянием.

А потом она заплакала. Громко и очень жалобно, скоырнув мою черную дыру, заставив сжаться от необъяснимо сильной тяги взять ребенка на руки... и я так и сделала, повинувась самому первобытному из всех инстинктов. А когда прижала ее к груди, почувствовала, как она тыкается в меня личиком и что-то ищет, щипая мою кожу крошечными губками. Когда впервые приложила ее к груди, без слез глядя перед собой... моя пустота внутри все же начала заполняться. Нет, она не исчезла полностью, не перестала кровоточить, но она перестала быть настолько безнадежно звенящей, в ней появился один единственный, но столь важный звук – это любовь к моему единственному оставшемуся в живых ребенку. И боль, как обещала мне Джабира, все же немного отпустила... но у этой хитрой твари были свои планы и свои часы голода. Она возвращалась неизменно по ночам, отбирая у меня возможность спать, и терзала меня до полного изнеможения, заставляя корчиться на шкурах, кусать руки, чтобы не орать и не выть, не разбудить малышку. Каждый раз, когда я смотрела на нее, в моей душе все пе-

реворачивалось и сердце сжималось от нежности. Всю свою нерастраченную любовь я обрушила на нее, всю ласку, всю свою отчаянную тоску. Она стала единственной причиной открывать по утрам глаза и пытаться жить дальше. Я смотрела на ее темные волосики и смуглую матовую кожу, на ее глаза еще не особо понятного цвета, но уже светлые и, скорее всего, они будут такими же пронзительно зелеными, как и у ее отца.

Мне казалось, что она похожа на Аднана как две капли воды, мне просто до безумия этого хотелось. Первое время я стыдилась, что люблю ее, стыдилась, что она дает мне силы дышать, потому что и ее отец, и маленький братик никогда не почувствуют больше, что значит любовь. Но потом я поняла, что каждая любовь разная. А материнское сердце – оно бесконечно и не имеет начала и конца. В него поместятся океаны любви и ее хватит на всех. Как костер, от которого можно разжечь множество других костров. Когда я пела ей колыбельные, поглаживая черные кудрявые волосы Амины, спящей рядом с нами, я всегда неизменно пела им всем. Всем моим детям. Через две недели я смогла наконец-то дать ей имя... назвала ее настоящим именем матери Аднана, тем именем, что у нее отобрал его отец и о котором никто больше не вспоминал. Аднан назвал мне его один единственный раз, а я запомнила, и сейчас мне казалось, что более подходящего имени не найти. Ведь ОНА живет в моей дочери. ОНА не может умереть, как умерла я, она вечная и сильная и будет

возрождаться снова и снова. Любовь.

И укачивая свою малышку на руках я понемногу успокаивалась, ко мне вернулся стимул жить дальше... вместе с диким желанием покинуть эту страну и вернуть себе свое имя и свободу.

Рифат приехал спустя почти месяц. Не знаю, почему он не появлялся столь долго, но, наверное, он был нужен мне – этот месяц, чтобы начать походить на человека и понять, чего я на самом деле хочу. Он, как и всегда, был молчалив. Спешился и последовал к своим людям, потом к костру ужинать. Меня приветствовал довольно сухо и сдержанно. И я была ему благодарна за эту сухость и безэмоциональность, больше всего на свете я боялась, что мой муж захочет предъявить свои права на меня. Я прождала его в пещере до середины ночи. Не посмела подходить к разбитому лагерю и звать. Любой диалог с Рифатом давался мне с огромным трудом. И сейчас, когда он вошел в пещеру и задернул полог, он вздрогнул, поняв, что я не сплю.

– Нам надо поговорить, – тихо сказала я.

– Надо.

Спокойно ответил он и опустился на табурет, обтянутый бараньей шкурой.

– Я хочу уехать. Дай мне свободу, Рифат. Заклинаю тебя всем, что тебе дорого – отпусти меня. Я больше не хочу здесь оставаться. Расторгни наш брак, наговори обо мне все, что хочешь, и отпусти.

Он поднял голову и так же спокойно ответил.

– Не могу.

– Почему? – я закричала в отчаянии, а он отвел взгляд.

– Потому что едва я расторгну с тобой брак по любой причине, порочащей твою и мою честь, я буду обязан тебя убить. Нет в наших обычаях разводов.

– А... Аднан... он обещал мне, что разведется с Заремой.

– Но не развелся, – уверенно произнес Рифат.

– Он просто не успел исполнить свое обещание.

– Я не Аднан, Альшита. У меня нет столько власти, мне ничего не спустят с рук, как ему. И я обязан соблюдать все законы нашего племени.

– И что это значит? Я вечно буду жить здесь в этой пустыне, как в заточении.

Захныкала малышка, и я тут же обернулась к ней, поглаживая по спинке и покачивая рукой, чтобы она не проснулась.

– Давай поговорим снаружи, – тихо попросила я, и мы вышли из пещеры, отошли от нее на несколько метров, утопая ногами в еще теплом песке. – Рифат... мы ведь не муж и жена. Мы с тобой никто и никогда не станем кем-то. Наш брак бессмысленный, а я не могу так жить. Не могу вечно ненавидеть себя за то, что ты на мне женился, не могу смотреть вашим людям в глаза. Я здесь больше чем чужая. Я распутница и шлюха.

Это был единственный раз, когда Рифат вдруг потерял

свое привычное самообладание и резко схватил меня за плечи.

– Все может быть по-другому, Альшита. Все может быть совсем иначе. Я готов закрыть глаза на твое прошлое, я готов принять твою дочь как родную и любить ее сильнее, чем любил бы своих детей. Я готов ради тебя на что угодно... я даже могу увезти тебя в другую страну и бросить все. Понимаешь?

Да, я понимала... В эту секунду я поняла все. И в то же время горечь осадком осела в горле и во рту.

– Понимаю... Но по-другому никогда не будет. Я принадлежу только ему... моя дочь... у нее только один отец, и я никогда не дам ей чужую фамилию. Мое сердце и моя душа никогда уже не станут моими, они отданы, и вернуть назад их уже невозможно. Прости... я не могу дать тебе ничего кроме моей благодарности и уважения. И... если ты, правда, готов на многое ради меня – то отпусти нас. Дай нам уехать домой. Я тебя умоляю.

Рифат разжал руки и больше не смотрел на меня. Смотрел куда-то через мое плечо.

– Развод я тебе не дам. Как я и говорил ранее.

Внутри все похолодело, и я уже пожалела о том, что так горячо и откровенно отказала ему. Может, надо было как-то по-другому. Неужели он сейчас разозлится и... о Боже, я не хотела даже думать об этом.

– Но я дам вам возможность уехать. Только для этого надо

будет оформить для тебя новые документы. Для тебя и для твоей дочери... И ей придется взять мою фамилию.

Перевел на меня взгляд снова и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты поедешь в свою Россию, Альшита. Но и там останешься моей женой. Руки у Кадиров длинные. Я бы не хотел, чтоб тебя достали и там.

Я схватила его за руки, а потом рывком обняла за шею.

– Спасибоо, о Божеее! Спасибоооо.

Но Рифат очень сдержанно отстранил меня от себя. Удерживая на вытянутых руках.

– Я хочу продолжать заботиться о тебе и там. Обещай, что дашь мне это делать, Альшита.

Я быстро закивала и почувствовала, как слезы обжигают глаза. Мне не верилось, что это может быть правдой. Не верилось, что я поеду домой к своей семье...

* * *

– Не можешь уснуть, Рифат? Сон не идет к тем, у кого кровоточит сердце. Я никогда не думала, что оно у тебя есть. А сейчас смотрю на тебя и понимаю, что лучше бы не было. Не той женщине ты его отдал... не нужно оно ей... у нее и своего-то нет.

Рифат сел у гаснущего костра и подбросил в него угля.

– Она хочет вернуться домой... развода просила. Идио-

том себя почувствовал, которого под ребра пнули, как надоедливую собаку. А ведь я долго терпел и ждал...

– Долго? Ты действительно считаешь время и думаешь, что оно приблизит то, чего ты желаешь? Нет времени на самом деле, Рифат. Есть исчисление минут, часов, лет. Не всегда мертвецы покидают живых и дают им свободу, особенно если живые не хотят эту свободу обрести. Это для тебя прошло больше полугода, а для нее все было две минуты назад. Нет у горя сроков, нет определенных рамок, за которыми боль отступает и дает силы дышать. Иногда... иногда она остается с нами навечно и ни на секунду не дает о себе забыть. Есть женщины только для одного мужчины, и ничто на свете не заставит их посмотреть на другого. Она именно такая...

– Откуда ты знаешь?

Глаза Рифата сверкнули, и он залпом осушил чашку с чаем.

– Я тоже такая. Она на меня похожа. В молодости... Только моя дыра в груди со временем превратилась в камень... а у нее там еще есть место для любви и нежности... но не к мужчине.

– Глупости. Женщины выходят замуж и рожают снова от других. Нельзя закопать себя навечно.

– Можно... поверь мне, можно. У кого-то сердце умеет регенерировать и биться заново, а у кого-то оно просто умирает.

– Я подготовлю ей все документы и увезу ее отсюда. И... я больше не стану работать на Кадира. Моя служба его семье окончена.

– Уедешь вместе с ней?

– Нет... но я хочу вернуться в свой дом и продолжить дело моего отца. Без Аднана вся эта война стала бессмысленной.

– Хочешь завоевать ее любовь по-другому?

– Я не знаю, чего хочу... Точнее, нет, я знаю. Ее хочу. С первой секунды, как увидел. До умопомрачения хочу. Я запрещал себе даже думать об этом, я презирал и ненавидел себя за это. А сейчас... Сейчас я не вижу ни малейшей причины не попытаться. Я думал, что после рождения детей она оживет сама... думал, что они вернут ее.

Вскинул голову и посмотрел на Джабиру.

– Как ты допустила, чтоб ее сын умер. Ты ведь самая опытная повитуха, ты принимала самые тяжелые роды.

Джабира перевела взгляд на огонь.

– Я не волшебница. Я человек. Какой бы ведьмой вы меня не считали, но я просто женщина, которая знает немногим больше, чем вы, и имеет опыт. Но даже в самых современных и оснащенных клиниках гибнут младенцы... то что стоит говорить о пустыне, где у меня нет ни интенсивной терапии, ни капельницы. Ребенок был слаб, он второй в двойне, пуповина обмоталась вокруг его шеи, и он не дышал, когда я его достала из нее. Был весь синий... Она думала, что это он плачет... а плакала ее дочь, и я не стала разубеждать

несчастную. Она и так натерпелась.

– Слышал, Зарема родила... Сука. Вот как так? Чем эта змея заслужила такое счастье? В милости теперь купается. Кадир от радости закатил пир. Внук первый на свет появился.

Джабира протянула чуть дрожащие морщинистые руки к костру.

– Счастье не всегда заслуживают, иногда его выдирают с мясом у других, – тихо сказала она. – Но оно недолговечно, поверь. Там змей предостаточно, чтоб отравить существование и ей.

– Плевать я хотел на Зарему. Меня больше не волнует семья Кадилов. Я хочу, чтоб Альшита была счастлива... со мной. Любви хочу от нее, улыбки для себя, касаться ее хочу. И у меня хватит терпения. Я дождусь, когда ее сердце оживет... Но я так же начинаю ненавидеть Аднана. Ненавидеть за то, что его призрак ревниво стоит между нами и не собирается уходить.

– Ревность – это жестокая тварь. Она иногда намного сильнее и страшнее ненависти. У нее нет никакой логики, и она сгребает в свои когтистые лапы всех без разбора, заставляя корчиться от адовых мук. Но это и есть проявление любви. Соперники – это всегда ненависть и боль. Особенно мертвые. Они ведь не исчезают, они не станут плохими, их нельзя очернить или унижить. Они сияют ореолом святости, даже если при жизни были сущими дьяволами. Мне нравит-

ся твое терпение, и твоя страсть... но запомни – они могут принести тебе только страдания.

– Я уже к ним привык. Вряд ли может быть хуже.

Джабира усмехнулась.

– Всегда может быть хуже. Суть женщины непостижима...

Возможно, Альшита ответит тебе взаимностью когда-нибудь. Когда сможет.

– Я умею ждать.

– Дай руку, Рифат... посмотреть кое-что хочу.

Потянула дым из тонкой трубки и выпустила в сторону мужчины. Тот протянул ей ладонь, насмешливо прищурил глаза и вытянув ноги к огню. Ведьма взглянула и тут же отшатнулась, отшвырнула руку Рифата.

– В чем дело? Совсем ополоумела?

– Увози ее в Россию и забудь о ней. Разведись и никогда не вспоминай.

Рифат резко встал на ноги и свел брови на переносице.

– Ты что несешь?

– Она тебя погубит... в ней твоя смерть! Он тебе ее не отдаст.

Рифат расхохотался.

– Глупые гадания и глупая женщина. Перепила своего пойла и накурилась дурмана. Кто он? Мертвец? А смерть... так она всегда рядом ходит. Нашла, чем пугать. Иди пропись, старая.

– Я предупредила. Тебе решать.

– Не предупредила, а глупостей наплела. Ищи новое место для жилья. Когда мы уедем, некому будет тебя охранять.

– Я уже давно нашла. Смерть не только на тебя охотится... она и за мной придет.

Глава 4

Асад сидел в своем любимом кресле и потягивал из бокала красное вино. Его мало волновало, что можно, а что не разрешено его религией. Он разрешал себе буквально все, потому что мог себе позволить закрыть рот слишком болтливым и залить кислотой глаза слишком глазастым. Бен Фадх прикрыл веки и расслабился, чувствуя удовлетворение во всем теле. Что не мешало ему думать... и даже топот копыт и шум снаружи не мешали наслаждаться собственными мыслями. Он провернул то, что раньше не удавалось никому, он получил себе в союзники того, кого считал своим лютым врагом, а теперь держал на коротком поводке и кормил зверя с руки. Он умен, хитер и великолепен. Скоро вся пустыня и торговые пути будут принадлежать только ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.